

В. П. КРУГЛЯШОВА,

Уральский университет

Л. А. ДЕМИНА

Свердловский Дворец пионеров и школьников

К ЭСТЕТИКЕ И МОРФОЛОГИИ ПРЕДАНИЙ

**(на материале современных рассказов
городской рабочей среды)**

Исследование современного состояния рабочего фольклора является важным звеном в комплексном изучении культуры периода развитого социализма.

Нами выбран для исследования традиционный жанр предания, ставший в фольклористике последних лет объектом пристального изучения¹. Материалы фольклорных экспедиций Уральского университета открывают возможность наблюдений над состоянием преданий в среде городского населения, преимущественно рабочих, в наши дни.

Несказочная повествовательная традиция жива в рабочем фольклоре. Бытуют предания о различных профессиях уральских рабочих и мастерстве в труде, о силачах и трудовых династиях, о крепостниках-заводчиках и борьбе за свободу, топонимические предания различной тематики. Важность их записи осознается самими рассказчиками: «Да где же вы раньше были?» Давно пора

См.: Гусев В. Б. Виды современного фольклора славянских народов. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968; *Он же*. Фольклор в системе современной культуры славянских народов. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970; Соколова В. К. Современное состояние преданий. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973; Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974; *Она же*. Пугачевское восстание в устной прозе советского Урала. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1975, т. 15; *Она же*. Рабочий фольклор в наши дни (состав, методика собирания). — Тезисы докладов. Ереван, 1978; Кербелите Б. Литовские предания на современном этапе. — В сб.: Проблемы фольклора. М., 1975; Демина В. А. О современном состоянии традиции крестьянских преданий. — В кн.: Фольклор Урала. Народная проза. Свердловск, 1975; Блажес В. В. Предания о рабочих династиях. — В кн.: Фольклор Урала. Рабочий фольклор. Свердловск, 1978.

записывать и сохранять эти рассказы!» — такими словами встретил Л. А. Демину рабочий Верх-Исетского завода г. Свердловска Бурдов Борис Павлович (1910)².

В процессе собирания была обнаружена тематическая группа народных рассказов о подземных ходах. С 1968 по 1979 год они записывались нами в крупных промышленных городах Среднего и Северного Урала: Верхотурье, Верхнем Тагиле, Сысерти, Невьянске, Свердловске, Каменске-Уральском, Соликамске³. Собрано 88 текстов. Показательна не только география бытования, но и широкая известность преданий среди различных социально-профессиональных и возрастных групп городского населения. Рассказчиков и слушателей привлекает необычность, даже исключительность содержания (существование под землей потайных ходов и помещений), драматизм и трагизм ситуаций, сообщающих занимательность рассказу (живых людей замуровывали, обрекали на смерть в подземных ходах).

Живое бытование преданий о подземных ходах в современной устной традиции поставило задачу их теоретического осмысления.

Настоящая статья имеет своей целью выявление идейно-эстетического смысла преданий о подземных ходах и тематико-сюжетную их систематизацию.

При этом исходим из следующего понимания предания как фольклорного жанра:

«Предание а) это эпический небольшой по объему рассказ о действительных лицах или событиях прошлых исторических эпох, созданный на основе устной традиции, б) в нем устойчив смысл главного образа (лица, события, реалии), который коллективно создается и развивается (каждое предание является составной частью группы текстов, тяготеющих к главному образу), в) для предания характерен своеобразный сюжет (четкий или ослабленный, заверченный или фрагментарный, преимущественно одноэпизодный), функционально направленный к раскрытию главного образа и зависящий от его смысла, г) обращенность преданий в прошлое приводит к концентрированной, сгущенной подаче жизненного материала с помощью вымысла, преимущественно реалистического. Художественный «секрет» преданий состоит в сочетании предельного обобщения с предметной детализацией»⁴.

*
*
*

---

² В скобках дается год рождения информанта.

³ Тексты отбирались и в архивах: Уральского университета (Свердловск — далее ФА УрГУ), ИРЛИ АН СССР (Ленинград). Извлечены предания из косвенных источников: литературных, историко-географических, из справочников и местной уральской периодики.

⁴ *Кругляшова В. П.* Историческое развитие жанров несказочной прозы на горнозаводском Урале. Автореф. докт. дис. М., 1974, с. 35.

Жизнь преданий о подземных ходах в устной традиции обусловлена комплексом причин, в том числе наличием материальной основы — действительным существованием подземных ходов, подземелий, тайников, строительство которых было распространено в условиях «особого быта Урала». Как отмечает историк уральского края А. Дмитриев, первые города — Чердынь, Соликамск, Верхотурье — «имели двойной ряд укреплений — внутреннюю крепость, которая называлась городом, и наружные укрепления, или острог, кругом всего посада, прилегавшего к городу»⁵. Строя крепости, делали и подземные ходы, служившие тайными выходами из укрепленного места с целью разбить врага, добыть воду, а иногда — спастись бегством.

Первые документальные свидетельства о существовании подземных ходов в городах Соликамске, Чердыни приводятся в писцовых книгах Михайла Кайсарова (1623—1624), посланного из Москвы в Пермь «по указу государя-царя и великого князя в 1623 году». Описывая города Усолья-Камская и Чердынь, он сообщает: «...да у тое ж Наугольные башни тайник из-под городовыя стены к речке, к Усолке... да в городе ж погреб пушечных запасов с выходом»; в Чердыни «из крепости к реке Колве шел потаенный ход, или тайник, который уже в 1623 году весь завалился»⁶.

Факты существования подземных ходов содержатся в описи Верхотурского кремля первой половины XVIII столетия: «Да в том же городе воеводских каменных пять палат с накатными потолками, под ними погреб с выходом, два подклета, два подвала»⁷.

При описании подземного хода в Екатеринбурге раскрывается назначение хода: «У бывшей крепости... Екатеринбурга кроме вала и рва существовал еще и подземный ход для сообщения и перебежки защитников»⁸.

Предания создавались и вокруг естественных, природных реалий. Так, в Каменске-Уральском и близлежащих населенных пунктах бытуют рассказы о Сибирских пещерах. Из девяти записанных текстов нами выявлено два сюжета:

1. Монахи жили в пещере. Люди приходили к ним выпить «святой» воды, «очиститься от грехов». Действующее лицо варьирует: трое монахов, один монах по имени Николай.

2. Пуґачев делал привал в Сибирских пещерах. В преданиях устойчив мотив: подземный ход из Сибирских пещер тянется до Каменска-Уральского.

---

⁵ Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1891, вып. 3, с. 26.

⁶ Там же.

⁷ Дмитриев А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости в XVII—XVIII вв. Пермь, 1885, с. 41; та же опись Верхотурского кремля есть в кн.: Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1897, вып. 7, с. 281.

⁸ Коротков Е. Н. Материалы по истории г. Екатеринбурга. — ГАСО, ф. 74, оп. 1, д. 136, л. 36.

Таким образом, возникновение преданий о подземных ходах (как и некоторых других тематических групп этого жанра, например, преданий о курганах, городищах) поддерживается материальной основой.

Но чтобы активизировался процесс их создания и бытования, должен быть еще и общественный интерес к историческому прошлому своего города, края.

Полевая работа показала, что основными знатоками и хранителями преданий о подземных ходах (как и жанра в целом) являются люди старшего возраста (от 50 лет и выше). Это, как правило, старые заводские рабочие, местные старожилы, представители рабочих династий. Отдельные сюжеты и мотивы известны рассказчикам в возрасте от 20 лет. Особую группу знатоков составляют подростки 12—16 лет.

Для рассказчиков старшего возраста эти предания имеют прежде всего историко-познавательную ценность. К ним относятся как к серьезному сообщению, содержащему действительные факты. При этом акцент делается на положении рабочих: «прямо под домной было сделано подземелье, там рабочих держали»⁹; «вот какое было отношение к рабочим»¹⁰. Такие повествования как бы приоткрывают мрачные тайны прошлых эпох. Вместе с тем они занимательны, порой интригующи, удовлетворяют не только познавательные, но и эстетические запросы людей.

Подростков привлекает, прежде всего, необычность, исключительность факта существования под землей тайного хода. С ним связывается нечто таинственное, пугающее: люди пошли в подземный ход и не вернулись (от Кислицыной Жени, 15 лет)¹¹; в подземный ход автобус провалился (от Клопова Сережи, 12 лет)¹². Монахи ходили детей пугать по подземным ходам (от Ефремова Володи, 16 лет)¹³.

Современные рассказчики по-разному относятся к традиционному содержанию преданий: соглашаются с ним или оценивают критически. В большинстве случаев сохраняется вера в правдивость рассказываемого; «Подземный ход? Это правду говорят, был ход...»¹⁴; «старики говорили, были подземные ходы»¹⁵; в детстве «мы часто слышали от взрослых о том, что под землей есть тайные ходы»¹⁶.

Однако у отдельных рассказчиков появляется сомнение: «мо-

---

⁹ ФА УрГУ. Коллекция «Верхний Тагил-68», № 20. Поскольку рассматриваемые коллекции взяты из одного архива, его название в дальнейшем опускается.

¹⁰ Коллекция «Каменск-Уральский-78», № 151.

¹¹ Там же, № 150.

¹² Там же, № 191.

¹³ Коллекция «Верхотурье-74», № 1352.

¹⁴ Там же, № 12.

¹⁵ Коллекция «Каменск-Уральский-78», № 151.

¹⁶ Коллекция «Соликамск-78», № 14.

жет, болтают, может, действительно был ход, монастыри находились на приличном расстоянии, может быть, километр, может быть, меньше»¹⁷; «а кто его знает, есть они или нет»¹⁸. Но от этого интерес к подземному ходу и к рассказам о нем не уменьшается.

Встречаются факты соединения двух толкований в одном рассказе: «Куда ход ведет и зачем был построен, люди толком не знают. Говорили, будто он идет под Теплую гору... Другие говорят, что он сообщался с Хромовыми рудниками, которые раньше были за Плешивой горой»¹⁹. Наличие двух версий рассказчика объясняет неосведомленностью людей о тайне строительства подземного хода.

Специальное внимание нами обращалось на особенности исполнения преданий. Как отмечал К. В. Чистов, фольклору свойствен особый тип коммуникации — естественная, или контактная связь, когда устанавливается непосредственное общение исполнителя и слушателя²⁰. В этих условиях и живет фольклорное произведение. «В процессе живой передачи рассказчик стремится убедить слушателя (слушателей) в достоверности рассказываемого, внушить уважение к рассказам, пришедшим из древности, или, напротив, высказать свое несогласие с традиционными представлениями. Ему хочется вызвать в слушателях то же отношение к событию или лицу, ту же оценку их, какие разделяет он сам. К этому присоединяется стремление заинтересовать, увлечь рассказом. Это психологическое состояние рассказчика реализуется в идейно-художественных особенностях преданий. Жанровая специфика их проявляется в процессе живой передачи на грани рассказывания-восприятия»²¹.

Важным становится не только то, о чем говорится, но и как это говорится (равнодушно, с интересом, соглашается рассказчик или спорит, сомневается или активно утверждает), какова идейно-эстетическая подача материала, рассказывается ли с гордостью или с гневом или сатирически высмеивается и т. д.

Бурдов Борис Павлович начал повествование довольно спокойно: «Есть такой ход от Дома союзов до Дворца пионеров. Мать часто про него говорила. Она прачкой была у Миславских»²². Когда же стал рассказывать о самом событии, то говорил волнуясь,

¹⁷ Коллекция «Свердловск-78», № 3.

¹⁸ Коллекция «Свердловск-76», № 32.

¹⁹ Коллекция «Верхний Тагил-68», № 20. Записано от Е. Г. Яковлевой (1913).

²⁰ См.: Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

²¹ Кругляшова В. П. Народное поэтическое творчество Висима. — В кн.: Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Свердловск, 1967, с. 18.

²² Коллекция «Свердловск-76», № 41.

охваченный чувством рабочей солидарности: «Там, она говорила, рабочие работали, а оттуда уж никто не ворачивался». Чтобы заострить драматическую ситуацию, он уточнил: «Нельзя было вернуться — зодото доставали». В этом предложении уже звучало возмущение. Он в третий раз произносит фразу о судьбе рабочих: «Туда привезут рабочих, а оттуда уж не ворачиваются». «Екатеринбург был построен на человеческих костях» — здесь вершина эмоциональной оценки, в ней обобщение трагедии многих людей. В этот момент он сжал руки, своеобразным жестом переплетая пальцы. Взгляд стал более жестким. «Оно, может, и действительно так», — уже спокойно он подводит итог. Рассказ получил интонационную законченность. В акте исполнения проявились разнообразные эмоционально-оценочные реакции: сострадание, возмущение, негодование. Переживания рассказчика, его активность во время исполнения становятся эстетически значимыми, влияют на стиль рассказа. Таким образом, само исполнение убеждает в том, что предания о подземных ходах интересуют людей, они эстетически привлекательны, вызывают активное отношение рассказчиков, что свидетельствует о процессе их живого бытования и обуславливает его продолжение.

От целевой установки исполнителя, его осведомленности, мастерства, от «коммуникативной ситуации», возникающей в момент общения рассказчика и слушателя, зависит форма бытования предания, его внутрижанровая разновидность.

Повествование может передаваться в форме фабулата — сюжетного рассказа (51 текст); хрониката — бессюжетного рассказа, содержащего сведения о факте существования и местонахождении хода (29 текстов). О подземных ходах сообщают и в форме мемората — рассказа о виденном, в который вплетается традиционный сюжет или мотив. Рассказчик или сам видел ход и прошел по нему, или слышал о нем от людей, которые там были (8 текстов).

Тема подземного хода свойственна не только преданиям, но и рассказам-воспоминаниям, сказкам, легендам, детским и подростковым «страшным историям». Рассмотрение ее в этих жанрах — необходимая задача дальнейшего изучения.

Тематика преданий о подземных ходах отразила важнейшие моменты местной истории — процесс заселения уральского края, крепостное прошлое дореволюционного горнозаводского Урала, борьбу рабочих за свободу, события гражданской войны.

По народным представлениям, подземный ход был построен для обороны: по нему проникает войско, чтобы защитить город от врагов, доставляют оружие, боеприпасы; «говорили, что когда

татары нападали на Соликамск, то по подземному ходу жители пробирались за водой к реке Усолке»²³. Вместе с тем он был и тайным ходом в момент опасности: «По ходу, идущему в Кашкин лес, людей выводили в безопасное место»²⁴.

В преданиях о борьбе с внешним врагом подземный ход используется массой людей: войском, городскими жителями. Присутствуют мотивы: 1) нападение врага; 2) использование подземного хода в целях борьбы (бегства); 3) постройка какого-либо памятника о событиях (например, часовенки ставили на местах могил, где похоронены погибшие в татарское нашествие). Эти предания утверждали необходимость защиты от врагов, воспитывали патристическое чувство, обобщали боевой опыт.

Тема борьбы развивается в преданиях. В основе конфликта оказывается борьба с внутренними, социальными врагами.

В сюжетных ситуациях находит отражение политическая борьба рабочих. Они выступают против царя, заводчиков, управляющих, церковников. Подземный ход нужен рабочим, чтобы вести борьбу. В нем делают тайную работу подпольщики («...тогда подпольной работы много было. Скрывались»); ход становится путем к возмездию: рабочий проник по подземному ходу и убил царя. Ход осмысливается и как место укрытия от преследования властей: «Старики говорили, что на Каменных палатках подземные ходы были. Политические там скрывались»²⁵. Предания удержали образ Якова Михайловича Свердлова. Подчеркнута его связь с народом, неуловимость, умение уходить от преследования.

Развитие темы борьбы связано с осмыслением исторических столкновений, коллизий. Эти предания конфликтны. Подземный ход в них — средство борьбы с врагом, бегства, путь к возмездию.

Другая тема, широко представленная в преданиях, — тема крепостного прошлого Урала. Она развивается в многочисленных сюжетах, обличающих «лютые времена», когда «с жестокостью... расправлялись со всей почему-либо неприятными и опасными людьми: томили в мрачных казематах, живыми в стены замуровывали, топили, жгли, забивали до смерти»²⁶. Носителями социального протеста выступают рабочие.

Подземный ход в преданиях — тюрьма для рабочих; в нем — «камеры смертников». «Слышал от бабушки: был от дома Соломирского подземный ход, а в нем были камеры смертников. Всегда, когда кто-либо проявлял недовольство начальством, властями, рабочий куда-то пропадал; его уводили в волость — так говорили. Потом объявляли, что ночью рабочий сбежал, его искали, родные знали и верили, что он жив и где-то скрывается. На самом же

---

²³ Коллекция «Соликамск-78», № 13.

²⁴ Там же, № 7.

²⁵ Коллекция «Свердловск-76», № 45.

²⁶ Россия. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Сб., 1914, т. 5, с. 274.

деле рабочего заживо замуровывали в подземные камеры, приковав его на цепь»²⁷. Уже в советское время нашли «эти камеры, кольца, скелеты». Острый драматизм содержания отличает рассказы. Чудовищная жестокость и беспримерный произвол заводчиков сконцентрированы в них с предельной четкостью и выразительностью. «Подземные ходы были от церкви к заводу и к домам, где сейчас санаторий «Урал», — рассказывала Волкова Агния Алексеевна (1890). — И там окошки такие были. Там живых людей к стене ставили и прутьями приковывали. Ни есть, ни пить не давали. Казнь такая была»²⁸. Мотив наказания варьирует: замуровывали в стены подземного хода; оставляли в подземелье, где рабочие умирали; «Демидов «замуровывал» людей в четырех стенах, никуда он их не выпускал. Они никогда не выходили на воздух. Там и умирали»²⁹.

С темой крепостнического произвола связана тема подневольного труда в подземелье. «В Невьянском у Демидова башня была. Сейчас стоит. Там работали те, кто не подчинялись ему шибко, подземельные ходы были, руки к тачке приковывали. Так робили, это самое большое наказание было. Когда крестьян освободили от крепостного права, он этих людей утопил там из пруда»³⁰. Выявляясь и такие сюжетные ситуации: под землей золото доставали, деньги чеканили.

Обличение произвола заводчиков-крепостников сообщило преданиям убедительность, агитационность.

В Верхотурье бытуют предания об использовании подземного хода монахами. В них очень ощутима сатирическая струя, критическое отношение рабочих к «святости» служителей церкви: «Был ход из мужского монастыря в женский. Всякие архиереи и архимандриты приезжали. В женский-то нельзя, так они через ход из мужского и ходили. Вечорки в женском монастыре устраивали. А потом монашки беременные ходили и дитев в подземный ход кидали. Тоже мне святые! Святые — жиром налитые!»³¹.

В преданиях обнаруживается социальная зоркость народа.

Тематика преданий локальна: в Соликамске, Тобольске рассказывают преимущественно о борьбе с внешними врагами; в Сысерти и Верхнем Тагиле — о крепостническом произволе заводчиков и социальной борьбе, в Верхотурье — о монахах.

Оценка прошлого с позиций современности различна. Идеино-эстетическая доминанта преданий разнообразна.

Темы и идеи реализуются в сюжетах и сюжетных ситуациях.

* * *

---

²⁷ Коллекция «Сысерть-71», № 9.

²⁸ Там же, № 10.

²⁹ Коллекция «Каменский район-77», № 296.

³⁰ Коллекция «Сулем-59», № 12.

³¹ Коллекция «Верхотурье-74», № 12.

Одним из направлений всестороннего исследования жанра преданий стало морфологическое изучение. Решение проблем систематизации и классификации несказочной прозы ставит задачу проникновения в художественную структуру произведений, выявления единиц, необходимых для раскрытия закономерностей структуры, а в практическом плане — для составления международных и региональных указателей преданий и легенд, для классификации и распределения материала в Своде русского фольклора, задача научного издания которого сейчас стоит перед советской фольклористикой.

Единицами морфологического анализа в науке о фольклоре признаны: сюжет (вариант сюжета, версия, редакция), мотив³².

Взгляды академика А. Н. Веселовского на сюжет и мотив остаются актуальными и в наши дни: «Сюжеты — это сложные схемы, в образности которых обобщались известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная»³³. Таким образом, сюжет определяется как содержательная, идейно-образная категория.

Вместе с тем с точки зрения структуры сюжет есть «комплекс мотивов» или «комбинация мотивов»³⁴. В мотиве А. Н. Веселовский видел простейшую единицу повествования, неразлагаемый далее содержательный элемент. «Под мотивом я разумею формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными, или повторяющиеся впечатления действительности»³⁵. Давая глубокое определение мотиву со стороны семантики, ученый приводит примеры мотивов: «Облака не дают дождя, иссохла вода в источнике; враждебные силы закопали их, держат воду взаперти и надо побороть врага... Злая старуха изводит красавицу, либо ее кто-то похищает, и ее приходится добывать силой или ловкостью и т. п.»³⁶ Мотив-событие лежит в основе сюжетного построения.

Заслуга А. Н. Веселовского в том, что он разграничил сюжет и мотив, дал им определение, указал их необходимость и важность для исторической поэтики.

Развитие теории мотива и сюжета продолжено в работах В. Я. Проппа. К определению сюжета и мотива на материале волшебной сказки В. Я. Пропп подходит с позиций сравнительного

---

³² См.: Сёколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора; Свердловск, 1974; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Подгот. изд. Н. А. Криничной. Л., 1978.

³³ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 495.

³⁴ Там же, с. 494.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

типологического анализа: «Изучение структуры всех видов сказки есть необходимейшее предварительное условие исторического изучения сказки»³⁷. В. Я. Пропп считал, что сюжет относится к области содержания. «Для народной эстетики сюжет как таковой составляет содержание произведения... В том, что случилось, и состоит весь интерес»³⁸. Что же понимается под сюжетом? «Все содержание сказки может быть изложено в коротких фразах, вроде следующих: родители уезжают в лес, запрещают выходить на улицу, змей похищает девушку и т. д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет»³⁹. Итак, по словам В. Я. Проппа, сюжет предполагает и действующее лицо, и то, какие действия оно производит. Таким образом, в основе сюжета лежит действие. «Поступки действующих лиц, их действия я назвал функциями»⁴⁰, «сюжеты основаны на повторяемости функции»⁴¹ — из замечаний следует, что сюжет в сказке составляют действия в их совокупности.

Если А. Н. Веселовский проник в структуру сюжета, выделив мотив как его первоэлемент, то структурно-типологический подход В. Я. Проппа привел к обнаружению новых закономерностей, а именно: мотив разложим, могут быть выделены элементы мотива, каждый из которых «в отдельности может варьировать»⁴².

Разные исследовательские цели, разный подход не могли не сказаться и на выводах.

Для А. Н. Веселовского как историка фольклора была важна прежде всего содержательная сущность мотива, его образное, идейно-бытовое содержание. Поэтому А. Н. Веселовский делает вывод о неразложимости мотива как простейшей содержательной единицы повествования.

Цель В. Я. Проппа — дать морфологическое описание сказки. Важно было понять структуру мотива, увидеть в нем наличие составных частей; ученый доказывает, что мотив разложим.

Открытие А. Н. Веселовским сюжетобразующей роли мотива, а также структурно-типологическое исследование В. Я. Проппа подготовили современное отношение к вопросу.

Нельзя согласиться с определением сюжета, данным К. В. Чистовым: «Сюжет — это научная абстракция, которая извлекается из сопоставления известного количества сходных фольклорных произведений повествовательного характера»⁴³. Сюжет — содер-

³⁷ Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969, с. 20.

³⁸ Он же. Структурное и историческое изучение волшебной сказки. — В кн.: Фольклор и действительность. М., 1976, с. 146.

³⁹ Он же. Морфология сказки, с. 103.

⁴⁰ Он же. Структурное и историческое изучение волшебной сказки, с. 136.

⁴¹ Там же.

⁴² Пропп В. Я. Морфология сказки, с. 18.

⁴³ Чистов К. В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, с. 318.

жательная сущность произведения. Он является отражением действительности, благодаря чему выполняет комплекс познавательных, воспитательных и эстетических функций. Он содержателен и в его инвариантной модификации.

Нами приняты для анализа следующие единицы: типовой (инвариантный) сюжет, конкретный сюжет (вариант сюжета, версия); мотив: а) в составе сюжета и б) самостоятельный (вариант мотива, элемент мотива)⁴⁴.

Б. Н. Путилов конкретизирует типы эпических мотивов: мотивы-ситуации, мотивы-речи, мотивы-действия, стремится выявить типы связи мотивов в сюжете⁴⁵.

Применительно к преданиям нами берется следующее определение мотива: «Мотив — структурная часть сюжета, содержащая устное описание внешнего вида, особенности, удивительной детали, констатацию признака, качества»⁴⁶.

Сюжетность выступает как определяющий признак устной повествовательной прозы, в частности как жанрообразующий признак преданий. Но сама по себе сюжетность — это широко действующая закономерность, категория, общая для целого ряда фольклорных жанров: «Всем жанрам русского народного поэтического творчества за исключением так называемых малых жанров (пословицы, загадки) свойственна сюжетность, то есть наличие в произведениях тех или иных элементов действия, поступков персонажей, ситуации (отношение персонажей). Но сюжетность в различных жанрах фольклора различна по характеру событий и по степени их сложности, наконец, по их роли в структуре произведений»⁴⁷.

Какова сюжетная организация преданий? Сюжетосложение в этом жанре нами будет рассматриваться в следующих аспектах: 1) характер событий, отраженных в повествовании; 2) качества, свойственные сюжету; 3) роль сюжета в структуре предания.

Предание — исторический жанр. Его назначение — сообщить о прошлом. В преданиях отразились такие события местной истории, которые имеют глубокий смысл с позиций устного народного летописания. Критерий народности — основной критерий отбора событий. Как отмечает В. К. Соколова, «берутся... события государственного значения или оставившие заметный след в жизни местного населения»⁴⁸.

⁴⁴ См.: Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 20.

⁴⁵ См.: Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент. — В кн.: Типологические исследования по фольклору, с. 143.

⁴⁶ Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 20.

⁴⁷ Кравцов Н. И. Поэтика русских народных лирических песен. М., 1974, ч. 1, с. 38.

⁴⁸ Соколова В. К. Русские исторические предания, с. 252.

До сих пор помнят и рассказывают в Соликамске о далеком от наших дней историческом событии — осаде города татарами. Оно волнует людей и сегодня. «Еще и теперь кровь выступает на горе, так много убито было во время нашествия татар»⁴⁹. В жизни всего населения Соликамска оно оставило неизгладимый след, запомнилось, вошло в предания как в «народную память». Осталось в памяти и в преданиях время неограниченного произвола заводчиков: «Живых людей к стене ставили и прутьями приковывали. Ни есть, ни пить не давали»⁵⁰, «людей замуровывали в стены подземного хода»⁵¹ и т. д. — вот события значительные, вызывающие гнев и осуждение. Они отрицаются с позиций наших дней. В устную традицию Верхотурья входят предания на сюжет: монахи ходили на свидание к монашкам по подземному ходу. В народном представлении — это событие, так как оно противоречило канонам монастырской жизни, выходило за рамки должного. Монахи оказывались в ситуации, разоблачающей их благочестивость, вызывающей насмешку, сарказм.

Таким образом, событие — единица сюжетосложения. В преданиях изображаются события местной истории, являющиеся общезначимыми в познавательном и эстетическом плане.

Качества, свойственные сюжету в преданиях, следующие: «а) наличие коллизии — столкновения, противоборства, противоречия, а значит, и действия (коллизия разрешается в действии или в действиях) или б) наличие ситуации, то есть положения, состояния, обстановки, совокупности обстоятельств. Констатация коллизии или ситуация большею частью оценочна»⁵².

Сюжет в преданиях о подземных ходах, как правило, сгущен в основной эпизод. В предании как бы присутствует возможность развития повествования, но сама возможность повествовательного развития остается до конца не реализованной. «По этой причине их сюжетное ядро обладает особой интенсивностью идейно-эмоционального воздействия, поражающая краткость будит воображение»⁵³.

Сюжету в преданиях свойственна динамичность. Механизм движения сюжета осуществляется за счет коллизии и конфликта (столкновения полярных сил). В группе преданий о подземных ходах есть повествования, содержащие отдельные фрагменты сюжета⁵⁴.

Нами выделены следующие группы мотивов: 1) мотив-место

---

⁴⁹ Коллекция «Соликамск-78», № 14.

⁵⁰ Коллекция «Сысерть-71», № 10.

⁵¹ См. там же, № 9.

⁵² *Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 20.

⁵³ *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы). — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, т. 13, с. 10.

⁵⁴ См.: Коллекции «Каменский район-77», № 52; «Свердловск-77», № 30, 31.

содержит указание на расположение подземного хода. «Говорят, что под церковью в Сысерти ходы были в контору. Старики говорили, что ход еще был прямо в завод»⁵⁵, и т. д.;

2) мотив-деталь содержит описание удивительной детали. Например: «У царя сапоги с козырьками, на козырьках — штампы императорские»⁵⁶;

3) мотив-событие (действие): монашки прорубили ход в мужской монастырь; люди умирали в подземных ходах.

Функциональная роль сюжета в структуре предания велика. Принцип сюжетосложения является в них основным. Сюжет выступает главным средством воплощения жизненного материала, типизации людей и событий.

Нами выявлены следующие сюжеты в преданиях о подземных ходах (римской цифрой обозначен инвариантный сюжет, арабскими — конкретные сюжеты):

I. Местные жители используют подземный ход в борьбе с врагами.

1. Через подземный ход из кремля проникает войско, чтобы защитить город от врагов.

2. Осажденные в городе носили через подземный ход воду из реки.

II. Люди спасались бегством через подземный ход от опасности.

1. Жители уходили из осажденного города в безопасное место подземным ходом.

Мотивы: ход под рекой; выводит в лес, в поле.

2. Раскольники уходили из скитов через тайные «выходы» в дальние леса, болота от преследования властей.

3. По подземным ходам раскольники переправляли беглых из одной обители в другую во время опасности.

4. Заводские управляющие по подземному ходу скрывались от бунтующих рабочих.

5. Церковники оставляли соборы и спасались бегством от революционного народа.

6. Уральские богачи через подземные ходы бежали от разбойников.

7. Революционеры уходили от преследования через подземные ходы. Свердлов также скрывался от полиции подземным ходом.

8. Белочехи пытались по подземному ходу спасти царя от расстрела.

III. Монахи и высшие духовные чины ходили на свидание к монашам тайным подземным ходом.

Действующие лица варьируют: монахи, архиереи, архимандриты.

---

⁵⁵ Коллекция «Сысерть-71», № 8.

⁵⁶ Коллекция «Верхний Тагил-68», № 27.

IV. Рабочий проник по подземному ходу и убил царя.

V. Заводчики заключали людей в подземные ходы, наказывали, казнили.

1. Живых людей приковывали прутьями к стене подземного хода, морили голодом.

2. Рабочие выражали протест властям. Их заживо замуровывали в стены подземного хода.

3. На демидовском заводе работало много ссыльных. Провинившихся наказывали смертью в подземных ходах.

VI. Под землей в скрытых помещениях совершались потаенные дела.

1. Под землей рабочие доставали золото. Наверх их не выпускали: «Екатеринбург построен на человеческих костях».

2. Заводчик чеканил деньги в подземелье.

Варьируют мотивы: заводчик Демидов, сыновья Демидова, заводчик Харитонов; чеканили «серебряные рублевики», золотую монету, фальшивые деньги; в подвале под башней, в подземелье своего дома, на Монетном дворе.

Деньги чеканили «в отверстиях камер», сделанных в подземном ходе; были печатные станки.

Выделяется мотив расправы заводчиков с теми, кто чеканил деньги: все погибли в подземном ходе. Мотив варьирует: а) рабочие умирали в подземелье; б) Демидов затопил людей.

Мотив спасения одного или нескольких рабочих: молодой рабочий «выбрался»; убежало несколько рабочих.

Чеканили деньги: кто не подчинялся Демидову; «брали из тюрьмы людей, кто умел печатать».

3. В подземном ходе делали тайную работу подпольщики. Скрывались там от преследования.

4. В подземном ходе монашки скрывали свои грехи: бросали там новорожденных детей.

Мотив варьирует: детей бросали в колодцы, вырытые в подземном ходе; «ребят малых оставляли в бересточки завернутые», «детей в подземный ход кидали».

VII. Люди жили (скрывались) в подземном ходе во время опасности.

1. Жители скрывались в подземном ходе во время вражеского нападения на город.

2. В кельях подземного хода жили монахи.

3. Партизаны прятались в подземном ходе.

VIII. В подземном ходе прятали (скрывали, хранили) различные ценности.

1. Купцы под землей делали склады: хранили богатства.

2. Воевода Суровцев обладал несметными сокровищами. Спрятал их в подземных ходах. Ходы замуровал.

3. Заводчик Харитонов в подземелье своего дома хранил богатства.

4. Партизаны оружие прятали (хранили) в подземном ходе.

Нами выявлено 26 сюжетов; из них 8 типовых, инвариантных.

Функции подземного хода в преданиях различны, они определяются действиями персонажей.

В результате сопоставительного изучения текстов выделено 8 функций подземного хода:

1. Ход — тайный выход для обороны города (с целью разбить неприятеля, добыть воду, провиант).

2. Путь для спасения бегством.

3. Ход как место (средство) общения (сообщения) кого-либо с кем-либо.

4. Ход как путь к возмездию.

5. Подземный ход как место «потаенных дел».

6. Подземный ход как место заключения, наказания, казни.

7. Подземный ход — вынужденное место жительства на время опасности.

8. Подземный ход как тайный склад.

Сюжетные предания имеют однотипную композицию. В структуре выделяются следующие постоянные компоненты: утверждение существования подземного хода, указание его местонахождения, мотив-действие. Кроме того, в ряде преданий присутствуют такие мотивы, как: находка различных предметов (костей, волос, цепей, скелетов) в подземном ходе; тайная постройка хода; расправа над строителями. Большую роль в композиции играют концовки. С их помощью достигается обобщение конкретного факта или дается оценка событий.

Вымысел в преданиях о подземных ходах реального характера, что обусловлено установкой на достоверность, присущей жанру преданий. С его помощью прошлое изображается ярче, создается предельное обобщение, усиливается идейно-эстетическая значимость рассказа.

Рабочая специфика отчетливо видна в преданиях: в мотиве расположения подземного хода (ход идет к заводу; прямо под домной сделано подземелье); в тематике (отражается положение рабочих в условиях крепостнического режима на уральских горных заводах); в сюжетных ситуациях (в них — факты борьбы рабочих за свободу); в системе образов (рабочие, заводчики, политические, Я. М. Свердлов); в идейной направленности (обличение произвола крепостников).

Полевые наблюдения и собранный материал показывают, что в настоящее время происходит дальнейшее развитие этой тематической группы преданий. Появляются устные рассказы с опорой на фольклорную традицию, в которых тема подземного хода развивается в связи с событиями недавнего прошлого: гражданской и Отечественной войнами.